

Родился в 1952 году на прииске Октябрьском Зейского района Амурской области. По профессии журналист. Печатался в журнале "Полярная звезда", в литературно-художественных сборниках "Литературное Приамурье" (1987) и "Приамурье мое" (1990). В 1993 году вышла книга прозы "Золото Тукурингры". Член Союза писателей России.

РАССКАЗЫ

ПОТАЕННЫЙ КЛЮЧ

Витим уловил хорошо знакомый звук клацнувшего затвора. И тут же услышал:

- Не оборачиваться, ребята! Ручонки - за голову. Извините, правила такие. Уж не извольте серчать, господа старатели. У всякого свои заботы. А поработали вы, смотрю, хорошо. Дстойно поработали...

Витим положил весы и покосился на Влада. Тот замер над рюкзаком.

- Я сказал - руки за голову! - прозвучал хриплый приказ.

Волнуется, сука, подумал Витим и медленно поднял руки. А Влад забузил:

- У меня хондроз, я не могу руки задирать.

Сухо щелкнул выстрел, пуля срикошетила о гальку и с визгом ушла в сторону.

- Джентльмены, состояние вашего здоровья мы обсудим потом. А пока быстро ссыпает песок в мешочек. Взвешивать не надо, я вам верю. Предупреждаю: шаг влево, шаг вправо...

Ну, бляха, детектива, подумал Витим. Влад оказался прав - мы слишком расслабились в последнее время.

А дружан Ковальский все бузил:

- Попролам делить будем или как?

- Или как, приятель. Вы свое еще возьмете, а у меня времени нет. Я с вами и так на две недели задержался. Так что прошу покорно.

- Ну что, Витим, - сказал Влад, - мы, оказывается, задерживаем джентльмена, так что побыстрее упаковывай наш бывший песок. Выходит, нам ничего не отламывается. Это ж надо - два месяца козе под хвост!

Недаром их предупреждали: поосторожней, мужики, время крутнулось обратно, опять началась стрельба. "Это как?" - наивно поинтересовался было пан Ковальский. "Кверху каком,- оборвал его тогда Витим.- Помолчи, Влад, я потом все объясню".

Значит, и впрямь время крутнулось - одни пашут, другие пасут, а потом, когда работа окончена, приходят с пушкой. Вишь, курва, две недели, говорит, пас. Ну волчара...

Все как-то не верилось, что такое может произойти. Витиму, вообще-то, не хотелось связываться с этой затеей. Еще покойный отец утверждал: этот металл ничего кроме шишек не приносит. Так какого ж хрена согласился? Да ладно, чего крайнего искать, сам не младенчик. Влад подзудил - и все. И спортивный интерес был. Он и сейчас не пропал. На этом ключе песка немеряно. Хотя - и что? Намоешь, и опять какое-нибудь фуфло из тайги выйдет, клацнет затвором.

"Стволы в палатке побросали!" - подумалось с досадой. Как дети, епэрэсэтэ. Когда еще лицензию брали, Гребень предупреждал: места опасные, берите оружие. Взяли - и кинули в палатке. Ну, е... Совсем ты, Горша, поплохел.

С золотишком Егор Витимов знаком с детства. Смальства околачивался у отца в экспедиции, а позднее, пацанами, сами стали мыть. Ну, заработать немного деньжат - и ладно. А вот чутье на "желтую забаву" у него было всегда, - это от отца-золоторазведчика. Тут либо дано, либо нет. Тому же Владу Ковальскому, к примеру, не дано. Но хочется. Когда разрешили стараться одиночкам, Влад аж подпрыгнул:

- Витим! Кому сидим, родной? Ты ж его спинным мозгом чуешь. Погнали, а? Я маньки на лицензию найду.

Деньги Ковальский и впрямь нашел, принес Егору, но тот его послал:

- Я в эти игры не играю. Мне папа не велел.

- Горша, ну разик, а?! Уж больно охота попробовать. Ну Витим...

- Че ты мелешь, пан? С кем разик - с тобой? Так ты ж ни хрена в этом деле не петришь. Это, мальчик, бяка, ее не надо трогать.

Все-таки Влад его уболтал. Пан Ковальский и черта уболтает. Он и вертолетчиков уболтал: наворотил с три короба про кетовую рыбалку, икру и балычок под пиво. Про их долю, естественно, - мол, поделимся. А про доски для бутары - что это вроде для коптилки. Витим очухался от всего этого вранья только в тайге, когда вертолет ушел обратным курсом.

- Все? - зло сказал он Владу. - Нашуршался? Ну ты и бол, пан. Выдающийся бол современности!

- И не говори, Горша, - рассмеялся Ковальский. - Аж самому интересно стало. Слушай, а ты хоть рыбу-то когда сетями ловил?

- Я не спец, предупреждаю. Сам осваивай, а я на подхвате.

- Так мы ж не за этим, а за металлом приехали...

- Не, пан, - отрезал Витим, - мы за рыбой, а металл - так, между делом.

Сети они стали ставить где-то через неделю, а сперва Витим шнырял по округе с лотком и возвращался злой: не мог найти помеченный когда-то им самим ключ.

- Как хреном сдуло, ты посмотри-ка...

- Не психуй, Витим, - успокаивал Ковальский, - куда оно денется? Лесовичок проказничает, пусть потешится.

Ключ Витим и вправду нашел - на третий день. Может, и не тот самый, но пробы были хорошие, даже самородочек грамма на четыре-пять попался. Решили в этом месте мыть, а там - как фарт пойдет. Бутару собрали быстро, - Витим еще дома ее сделал, тут пришлось только сбить. Но Егор все не начинал, будто ждал чего. Ждал он настроения, к себе прислушивался.

Влад тем временем разбирался с сетями. Пан Ковальский был человек хваткий - если за что брался, осваивал надежно, а главное - быстро. Уже на второй день стал "двадцаткой" таскать хариусов. Рыбка царская. С первого улова они ее прямо сырой ели, с солью и перцем.

- Огурчиком пахнет, - урчал довольный Влад.

- Сорок лет ее пробую и никак огурца не унюхаю, - хмыкнул Витим.

- Ты особо-то не гони, а то как бы не обделаться.

Под утро Влад и впрямь как ошпаренный выскочил из палатки. А когда вернулся, сказал обиженно:

- Ну и язычок у тебя, Горша, ты его придерживай.

- Заваркихвати ложку, пройдет.

Все бытовые заботы Влад взял на себя - обустроил лагерь, куховарил, добывал таежный корм. Время было что надо - конец июля. Уже и грибки первые пошли, и ягоды - смородина, малина, костяника. Жимолость отходила. Дикого лука и чеснока полно. И рыбы сколько влезет. Зверя и птицу Егор трогать запретил: потомство еще не подросло.

В тайге речь Витима странно изменилась, стала просторечней, к исконным корням поближе.

- Витим, у тебя какой-то старообрядческий базар попер, - отметил Ковальский.

- А у тебя уголовный.

- Так тайга расслабляет.

- Тайга подтягивает, паря.

- Это точно. Энергии столько, Витим, откуда что берется! В городе я юркий, но не так.

- В городе, пан, суеты много. А тут ничего лишнего быть не может - природа.

Витимов и Ковальский - старые друзья. Егор, правда, постарше лет на семь. Познакомились в археологической экспедиции, где Витим отбивал практику, а Влад душу грел, историей и археологией увлечен был сильно, хоть и окончил медицинский.

Егор по образованию учитель, три года в деревенской школе отработал, а дальше стал метаться, искать свое место. То у геологов сезон отмотает, то в газете приткнется, то сидит чего-то пишет, пока деньги есть. Единичный философ, как прозвал его Влад. Приклеилось прозвище, когда куваевскую "Территорию" прочитали. Вот тогда и "заболел" Витим розовой чайкой. "Все, - сказал, - пан, пока розовую чайку не увижу, не будет мне покоя". Но пока до чайки своей не добрался.

Один человечек из якутского Заполярья, узнав об этой мечте, сказал Витиму:

- А ты к нам в Чекурдах приезжай, там розовые чайки по мусорным контейнерам промышляют.

И тут же нарвался на кулак Ковальского.

- За что? - опешил тот.

- А на хрен ты ему мечту ломаешь? Ладно, не серчай, а? У меня левая быстрее головы срабатывает...

По утрам Влад быстро готовил завтрак, заваривал крепкий чай и будил Витима. Они не спеша ели.

На третий день Ковальский осторожно спросил:

- Ну че?..

- Хрен через плечо, - буркнул Егор, взял лоток и ушел.

Ковальский пожал плечами и пошел к реке проверять сети. Больше он Витима не спрашивал: лучше не трогать, будет что - сам скажет. Витим пахал без передыху, прерывался только в обед, наскоро ел и опять уходил.

На пятый день, отобедав, Егор глянул на него:

- Тащи весы, они в рюкзаке, в левой боковушке.

Ковальский понял - есть! Мигом принес весы, но когда Витим раскрыл ладонь, на которой лежал грязно-желтый камешек, разочарованно протянул:

- Это оно и есть?..

- Оно, пан, оно. Не впечатляет? Давай взвесим. Раньше мне такие не попадались.

Камень потянул на сто двадцать семь граммов. Витим подбросил его на ладони:

- Ну что, Владислав Юрьевич, начнем мыть?

- Как скажешь, Витим...

- А куда ты его девать будешь?

- Как куда? Сдадим - денежку получим.

- И сколько тебе нужно денежек для полного счастья?

- Денежек всегда нужно много, Витим. С ними жить не скушно. А у меня, в отличие от некоторых, семья, как никак три девки.

- И то верно. Значит, начнем. Дадим Родине металл, а твоим девкам денежков. Только смотри, пан, не пицать, - работа тяжелая.

* * *

Григорьев с весны запсиховал. Казалось бы, на десятом году уже и причин нет - давно освоился, прижился в зоне, стал своим. Что случилось, он сам ни понять, ни объяснить не мог. Просто осточертело все до блевотины...

Аркадий Григорьев, Кадя, получил двенадцать лет строгого режима за убийство жены. Когда зачитали приговор, у него в голове что-то щелкнуло. Понял, что столько ему не выдержать, и поставил на себе крест.

Кадя вырос на прииске, но после школы подался в Питер, где учился в художественно-графическом училище его брата. Окончил то же училище с отличием, - от бога этот дар у братьев Григорьевых. И женился как бы с отличием: Таисия Муромова была искусствовед, единственная дочка потомственных интеллигентов. Жили у ее родителей, и поначалу вполне хорошо жили. Тесть и теща, перенесшие блокаду, были люди тихие, терпеливые - жизнь так крутнула. А вот Тайка оказалась дамой непредсказуемой и капризной. Поздно ее родили, избаловали.

Пока были кой-какие деньжата, которые подкинули богатенькие северные родители Кади, жизнь текла очень даже сносно, временами и шумновато. Но денежки кончились, и жизнь вмиг потускнела. Зарабатывали мизер, а запросы нешуточные. Началась скука, и стало ясно, что это не для Тайки. Она стала приходить поздно, под хмельком, Кадю с собой не брала. Родители вздыхали, Кадя морщился. Пробовал все-таки поговорить с Тайкой, но она заявила:

- За все нужно платить, миленький, а ты нынче некредитоспособен.

Кадя мрачнел, не знал, что делать. А тут пришло письмо из дому. Мать писала, что на прииске создается старательская артель, перспективы хорошие.

Как всякий приисковый человек, Кадя Григорьев старательское дело знал, и весточка эта пришла вовремя. Попахать, конечно, придется, зато будут хорошие бабки. Сказал Тайке, что, вот решил ехать, а та вдруг попросила: "Возьми меня с собой, Аркаш, а?". Так они и оказались в родном поселке.

В артель было не пробиться, но отец помог, и Кадя встал за монитор в надежде, что появится дополнительный бульдозер. Работали неподалеку от поселка, и на ночь Кадя, когда пахал в первую смену, приезжал домой. Тайка первое время захлеб рассказывала о своих походах по окрестной тайге, восхищалась природой, людьми, собаками, коровами

и лошадьми. Но вскоре все это ей приелось, она стала скучать, а потом так прямо выть от тоски. Хотела уехать домой, в Питер, да Кадя на свою же беду уговорил подождать до конца сезона: мол, получим башли и поедем вместе.

Не дождавшись конца сезона, Тайка вышла “на большой круг”, начала пить и трахаться направо и налево. Хорошо хоть родители уехали в отпуск, на юг. Перед отъездом мать попросила: “Уезжайте, Аркаша, оба, добром это не кончится”. Как в воду глядела. Вернувшись как-то со смены, Кадя застал пьяную Тайку со своим одноклассником Клепой. Тот успел смыться, получив по челюсти, а жену Кадя долго бил бутылкой - как в бреду, не мог остановиться. Спасти ее не смогли. Так Кадя и загремел на двенадцать лет.

Первое время было - не сказать, как. Удалось как-то вывернуться, когда его хотели “опустить” матерые зеки, но легче от этого не стало. Каждый день избивали. Могли забить насмерть. Ладно Григорьев вовремя сообразил: надо матерых “подсластить”. Сделал как-то карандашный портрет пахана. Сходство было поразительное, и зеки купились. Посыпались заказы, Кадю стали освобождать от поденки, достали ему кисти, краски, холст. А когда сделал портрет начальника зоны, жизнь совсем наладилась.

Через некоторое время Кадя успешно овладел парикмахерским делом - классные прически у него получались. Плату брал куревом, продуктами, водкой. Водку Кадя, правда, не пил -менял ее на кофе. Освоил и женские прически, начав с жены начальника отряда, которая работала в зоне. Это сделало его знаменитым. К нему стали приезжать и жены крупного начальства. Прическа “от Григо” считалась шиком. Кадя имел с ними дело только как с клиентками.

- Дурак ты, Аркан, - говорили ему сокамерники. - Трахал бы этих баб, - как сыр в масле бы катался.

Но Кадя на Тайке перегорел, бабы его больше не интересовали. Когда плоть уж сильно донимала, отпрашивался ненадолго и проводил время за зоной, у вольнонаемной врачихи Лидочки Курцман. Та не возражала, но и особого восторга не испытывала. Лидочка была женщиной “с прибабахом”. Она недавно освободилась, но в родные места не поехала, устроилась при зоне врачом-терапевтом. Поговаривали, что срок Лидочка получила за наркотики, что и сама в свое время сиживала на игле, что она лесбиянка. Григорьева все это особо не трогало.

Кадя сильно надеялся на амнистию: вел себя исправно, никаких замечаний. Амнистии были, но обходили его. Поначалу он горевал, возмущался. Как-то пожаловался жене начальника зоны. Та усмехнулась:

- Как же мы тут без тебя, Аркаша? Ты не торопись, живи себе. А скушно будет - только скажи, все тебе устроим.

И Кадя понял: сглупил со своим парикмахерством, амнистии ему теперь не видать. А поняв, затосковал. Кончился его лагерный ресурс.

Когда кончается ресурс, начинается беда, в любой зоне это подтвердят. Из этой ситуации только два выхода - в петлю либо в побег. Кадя выбрал второе.

Свалить из зоны ему было просто - на денек-другой его отпускали по первой просьбе. Он признался Лидочке (знал, что она не продаст), дал ей денег, попросил купить продуктов, а еще - карабин и с десяток патронных обойм у заезжего прапора. Прапор был лихой, за водяру мог и БТР отдать. Лидочка все сделала и, прощаясь рано утром, вздохнула:

- Блаженный ты, Аркашка. Ну да иди с Богом.

И Кадя пошел.

* * *

Пахали и впрямь тяжело. Черновая работа легла на узкие плечи пана Ковальского. Он таскал породу, высыпал ее на бутару, носил воду, а Витим промывал. Предлагал меняться, но Влад отказывался:

- Не, Горша, если я промывать буду, оно пропадет.

Металл шел хороший, пахать бы да пахать, но на четвертый день Влад сломался. Витим посмотрел на его руки - волдырь на волдыре, хоть и работал в верхонках. Порылся в рюкзаке, достал баночку с барсучьим салом. Срезал Владу волдыри, обработал йодом, а когда подсохло, смазал жиром из баночки.

- Ну вот, через пару дней твои грабли будут как новые. Не торопись, пан, попинай балду, я пока сам с лотком поиграюсь.

Отдыхать было славно, но непривычно. Влад маялся, крутился по табору, собирал сушняк для костра, щипал дикий лук и чеснок.

Витим тем временем работал за двоих. Но это было ему не в тягость. Он не любил металл, зато любил связанную с ним работу. К вечеру, пока еще было светло, ртутью собирал драгоценный песок, выпаривал в маленьком совке, ссыпал в мешочек, взвешивал. За четыре дня они намыли почти триста граммов. Вадим суеверно ежился, - здорово прет, не зря батя говорил, что здесь его немеряно. Отец опасался этого места. Еще студентом Витим предложил ему сбить команду и поработать здесь. Но тогда частные экспедиции были строго-настроено запрещены. Отец сказал хмуро:

- Не тешь беса, парень. Не жили богато, не хрен и начинать. Успокойся.

И Витим успокоился. Только иногда на сплавах, просто из спортивного интереса, брал пробы в особо интересных местах. Промывал в чашке, смотрел и тут же выплескивал в реку. И вот нарушил-таки отцовскую заповедь. Правда, "дикарям" теперь работать разрешалось. Раньше старателей-одинок государство гнобило, а теперь словно отмахнулось от них, - ладно, работайте, добывайте Родине драгметалл.

Руки у Влада и впрямь зажили быстро. На третий день он вкалывал так, что Витиму приходилось тормозить:

- Не гони, пан, опять кожу порвешь.

Ковальский только усмехался. Таким яростным в работе Витим его еще не видел. Когда дневная промывка поперла за триста граммов, Витим объявил:

- Делаем дневку, пан!

Влад трижды гаркнул "Ура!" и пошел со спиннингом на реку, пообещав, что ужин будет царский.

Витим неторопливо стирал свое походное шмутье, когда до него доносилось:

- Горша, тащи ствол!

Он понял, что пан "сел на крупняка" - посадил на крючок крупную рыбу и не может с ней справиться. Быстро нырнул в палатку, схватил дробовик, зарядил один ствол картечью, другой пулей и метнулся к Владу. Тот спокойно подергивал пальцем леску. У рыбаков это называется "щипать струну". Этот прием используется, когда рыба велика и ее трудно взять. Медленно пощипываешь леску и ждешь. Рыба не выдерживает вибрации и, устав, всплывает вверх брюхом.

Ковальский покосился на Витима:

- Не желает, курвец!..

- Подтягивай, я ему впендюрю по башке.

- Сам впендюрю. Давай ружжо и вали себе.

Витим взвел курки и осторожно опустил ружье на косу около Влада.

Ковальский стал подтягивать рыбу, а когда на миг мелькнула голова, подхватил централку, другой рукой продолжая пощипывать леску. Рыба была совсем рядом, но не всплывала. Минуты медленно текли. Ствол ружья закачался из стороны в сторону, - устал пан.

Витим хотел уже было подойти и помочь ему, но тут грохнул выстрел, и все заволочло дымом. "Надо же, дымным зарядил, ек-комарок!" - с досадой подумал Витим. А когда дым рассеялся, увидел, что Влад валяется на берегу, в руке у него по-прежнему зажат спиннинг, в стороне - ружье, а у берега колышется на воде безголовый таймень.

- Красивая работа, - хмыкнул Витим.

- У красивых людей все красиво, - заулыбался Влад.

Ужин и впрямь получился царский - тайменья уха и жаркое, таежная собируха из тушенки, вермишели, дикого лука и чеснока, тушеные грибы, компот из дикой смородины. По такому случаю достали заветную флягу со спиртом. Влад поднял кружку.

- Скажу слово. Давно знаю тебя, Горша, ценю наши отношения...

- Понесло...

- Заткнись, а? Так вот, я глубоко признателен вам, сударь, за эту экспедицию. Неважно, станем мы богатыми или нет, хотя все равно не станем, важно, что я многому научился здесь, благодаря тебе, старый башмак... Ответный тост не требуется, поехали.

Они дружно "хукнули" в сторону и залпом выпили. Уха была - что

надо. Витим мычал от удовольствия. За спиной попискивали редкие комары, ухнул неподалеку козел. Влад плеснул еще немного в кружки:

- Когда планируешь финиш, Горша?

- Не знаю. Когда доберемся до намеченной цифры.

Ковальский не стал уточнять, - Витим сам скажет, когда наступит время. С ним было надежно и спокойно.

- Пан, спасибо тебе за доброе слова. Мы вместе - и это хорошо. Но видит Бог, как ты осточертел мне за двадцать лет, кусок недожаренной вороны.

Они чокнулись кружками и улыбнулись.

* * *

На железку Григорьеву путь был закрыт, тем более в аэропорты. До Питера восемь тысяч километров, и добраться туда он мог только автостопом, но сперва надо было пробраться тайгой до основной трассы.

Кадя тайги не боялся, вырос в ней. Лидочка Курцман достала ему все необходимое, даже плащ химзащиты, который очень пригодится в дожди. Еще пуховый спальник и большой кусок полиэтилена. Кадя все больше шел ночью, днем отсыпался в глухих местах. Первую неделю даже огонь не решался разжигать. Питался консервами и галетами. Иногда ловил пескарей и хариусов, ел их сырыми. Все бы ничего, но сильно хотелось кофе - привык. В рюкзаке его было в достатке. Через неделю не выдержал и развел маленький костерок. Напившись всласть кофейку, на пару дней успокоился. Шел он сноровисто, изредка сверяя маршрут по компасу. Да у него и в голове был незримый компас, действовал безотказно.

Далеких планов Кадя не держал. Главное - добраться до Питера, там есть где затеряться. Деньжат на первое время хватит, а про черный день было немного заветного песочка и несколько камешков - перед смертью подарил старик Землянцев: "Возьми, Кадя, ты молодой и хваткий, тебе сгодится. А напоследок постриги меня под полубокс, как в мою юность носили, да чифирку спроворь." Ночью он умер. Мешочек из плотной ткани Кадя надежно спрятал.

Когда было сухо, Кадя шел в легких кроссовках, а в дождь переобувался в болотники. В сырые дни перед сном выпивал немного спирта, чтоб не простудиться. Промашки в его ситуации были недопустимы. Дважды попадались зимовья, но он их обходил. На третью неделю кончились консервы и галеты. Была мука, но печь лепешки Григорьев боялся. Стрелять тоже было опасно. Рыба вскоре осточертела до рвоты. От наскоро обжаренных грибов запоносил. Стало одолевать раздражение, и он прицыкнул на себя: "Завяжи шнурки, воша!"

В дождливый день развел под большой коряжиной костер, нажарил впрок лепешек, отварил побольше грибов, поймал силками двух рябцов, удачно пришиб булыжником зазевавшегося глухаря, поджарил. И

потом почти две недели шел без проволочек, понемногу съедая приготовленную пищу.

Наконец добрался до нужной реки, собрался пройти по перекату, благо вода небольшая была, как вдруг услышал стук - кто-то работал топором. Сразу прошибло потом. Кто здесь?.. Что делает в такой глухомани?.. Один, двое, сколько?..

Догадался: старатели. Слышал в зоне, что разрешили работать дикарям. А что если... Тогда можно было бы в Питере достать паспорт и перебраться в Финляндию, а там... Тихим ужом подобрался, выглянул. Точно, дикари. Двое. Работают на бутаре. Ловко работают, - похоже, давно уже. Подобрался поближе, засел в плотном кустарнике, наблюдал. Ближе к вечеру мужик постарше выжег добытый за день песок, ссыпал в плотный уже мешочек. Солидно намыли, оценил Григорьев. Значит, фартовое место.

Что-то обеспокоило Кадю, когда он разглядывал старшего. Вроде незнакомый, тогда что?.. Отошел подальше, решил: пусть попашут еще, торопиться некуда. Костер больше не разжигал, нашел небольшое озерцо, ловил гольянов и ел сырьем. Смородину собирал, сыроежки. Мутило...

* * *

Еще неделю, подумал Витим, ссыпая песок в мешочек. Неделю - и надо ставить точку. Жадность - она и в Африке жадность... Добью сам лотком, а Влад пускай рыбой занимается. Кета пошла, а бочки пустые. Возни много, особенно с икрой. Вертак придет через десять дней, успеем. Поиграем в удачную рыбалку - летуны поверят.

Обернулся к Ковальскому, готовившему у костра ужин:

- Пан, завтра займешься рыбой, пора.

С утра, слегка перекусив, Егор собрал нехитрый скарб - саперную лопатку, лоток, чашку. Взял большую кружку, чай, сахар.

- С сетями один потянешь?

- Все вэл, начальник, не беспокойся. Лодку я подклеил, так что без проблем. Далеко пойдешь?

- Да пройдусь тут...

- Ствол возьми, мало ли.

Витим надел на плечо одностволку и двинулся вверх по ключу. Он не сомневался в удаче, не просто чувствовал, а точно знал: промаха не будет. Он любил такое состояние в себе - знать. Так случалось не всегда, была масса неудач, маленьких и побольше. А сейчас вот - железная уверенность, знание. Такое ощущение, что кто-то ведет его в таких случаях. Судьба, добрый ангел, дьявол - неважно.

Поэтому и не удивился особо, когда наткнулся в ручье на небольшую кучку желтых камешков. Улыбнулся и пересчитал - семь. Самый большой - граммов на шестьдесят-семьдесят. Даже подбирать не стал, решил, что прихватит на обратном пути. Работал азартно, но неторопли-

во. Давал отдых спине и рукам, грел их у костра - вода в ключе была ледяная.

Как-то, соскребая промытый песок из лотка в чашку, вдруг почувствовал, будто кто-то смотрит. Обернулся - неужели пан? Но никого не было. Витим продолжал работать, но неприятный осадок остался. Он цыкнул на себя: без соплей! - и наполнил лоток. Решил: если учесть те камешки, сроки сокращаются наполовину.

Пан Ковальский делал второй заход. С первой сетью намучился изрядно: одному было неловко. Все же поставил "сороковку". Вторую сеть воткнул за перекастом, ближе к улову. Влад мало что соображал в рыбалке сетями, ставил наобум - авось повезет. Везло, как в детских прибаутках, - дуракам везет. Не успел вернуться к табору, как первая сеть уже задвигалась. Он выпутывал рыбу, глушил ее обухом топорика и бросал на дно маленькой резиновой лодки. На семнадцатой рыбине остановился, поняв, что лодке больше не потянуть. Понял и другое: рыба поперла. Набить бочки будет не проблема, а вот как успеть обработать?

Первую партию рыбы он кое-как доволок до табора. Слава Богу, бочки были готовы: Ковальский выжег их, когда подлечивал руки. Он разделал тушки, осторожно вытащил пленки с икрой. Самок было девять. Разделав и промыв рыбу, пересыпал ее солью и уложил в бочку. Потом на небольшом самодельном грохоте обработал икру. Отварил тузлук, остудил его в реке и положил туда икру. Посмотрев на часы, присвистнул: на первую партию ушло почти четыре часа! Придется как-то ускорять обработку.

Второй заход на ту же сетку его просто ошеломил: сетка играла, как живая. Ковальский быстро двинул лодку от берега. Он вытащил из сетки сорок три кетины - из них двадцать одну самку! "Очко! Везуха!" Обрабатывал тут же на берегу. Разделял уже сноровистее, икру складывал отдельно. Перенес в два приема, засолил, уложил икру в тузлук. Сил больше не было, и уже вечерело, надо заниматься ужином. Надолго ли его хватит при таком темпе?..

Витим вернулся, когда солнце уже завалилось за сопку. Бросил рюкзак, положил ружье.

- Ну что, рыбак, совсем выжатый?

- Есть немного, Горша. Рыба дурняком прет, даже страшно. А как у тебя?

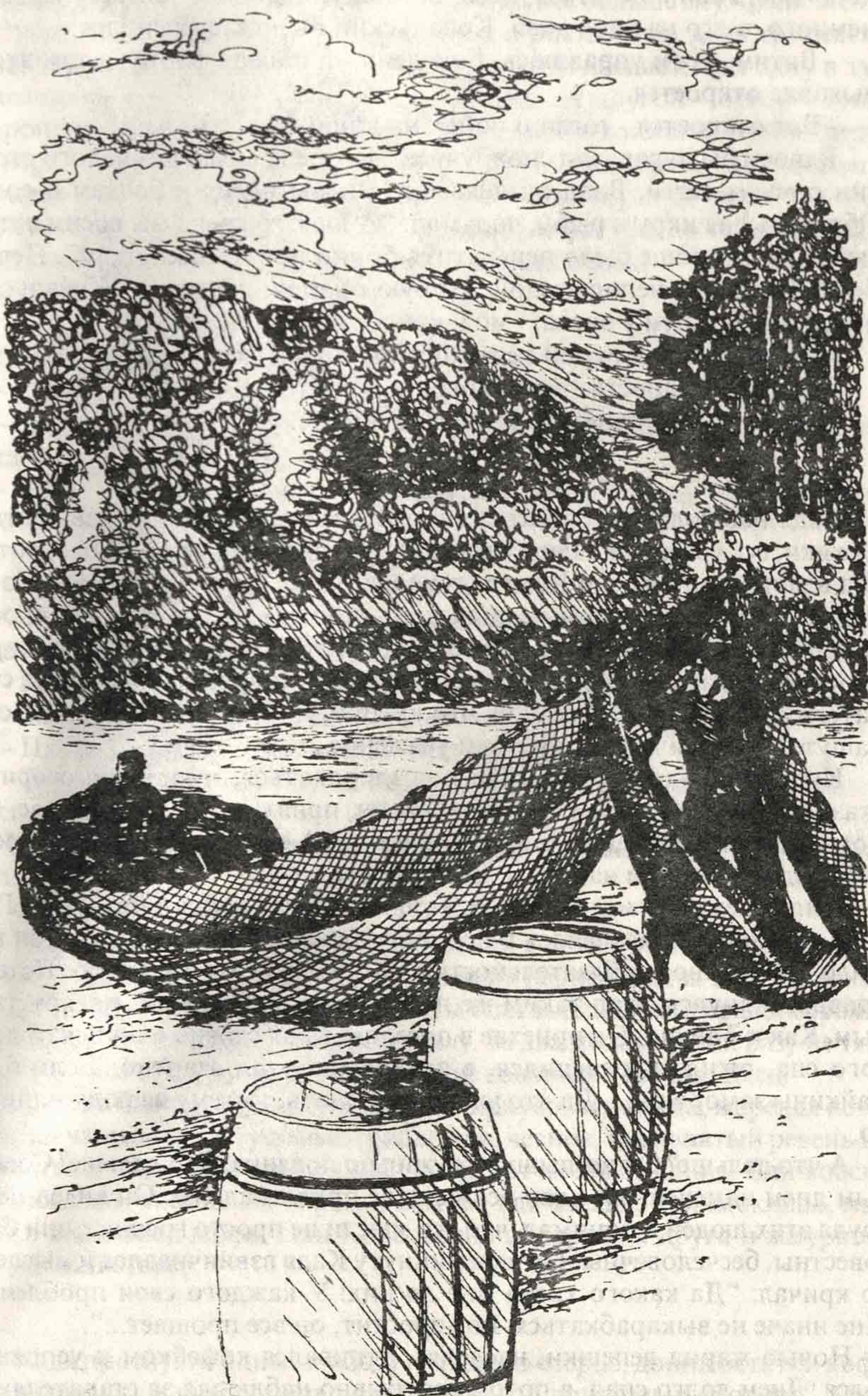
- Примерно так же.

Они молча поужинали. Витим одобрил:

- Вкуснотища. А столько икры я враз никогда не ел. Спасибо, пан, за праздник живота.

- Ладно, укладывайся, Витим, а я переложу икру в марлю и тоже завалюсь. Спина совсем немая.

Утром Витим поднялся первым, приготовил завтрак, заварил креп-

кого чаю. Решил остаться, помочь Владу. С песком успеется, осталось немного, всего на пару дней. Ковальский было заерепенился:

- Витим, я сам управлюсь. Еще день - и наберу форму, а там вторая дышалка откроется.

- Вот откроется - тогда и пойду на ключ.

Вдвоем было гораздо сподручнее. До обеда сняли без малого сто кетин с обеих сетей. Влад разделявал, Витим носил к бочкам и солил. Обработывая икру и рыбу, подумал: "А какого хрена мы носим оттуда сюда? Куда проще было перекатить бочки поближе к сеткам". Первая бочка была уже неподъемной, вторую он таки перекатил. Ковальский покрутил пальцем у виска, - мол, как же я сразу не допер...

- Потом бидон с икрой перетащим и соль, - сказал Витим.

- Кладезь мудрости твой шарабан, о учитель!

За день они почти заполнили первую бочку.

* * *

Кадя наблюдал за старателями вторую неделю. Это были хваткие мужики, все успевали. Один занимался металлом, другой рыбой, потом оба вдарили по рыбе, и Кадя задумался: то ли с песком непруха, то ли его уже в достатке и они решили плотно упаковаться рыбой и икрой. Но ничего делать не стал, решил еще подождать. Костерок он приноровился разжигать на короткое время в первой половине ночи, когда старатели крепко спали. Он знал, что крепко, потому что видел, как они пашут. Эти люди вызывали в нем уважение.

Иногда ему хотелось выйти и поздороваться, просто поговорить, сказать, - мол, классно работаете, парни, приятно смотреть на вас, самому охота повкалывать в вашей команде. А еще ему захотелось посидеть рядом с ними и написать их на холсте...

Григорьев сам умел работать и уважал людей работающих. Это в Питере он малость расклеился в полубогемном мирке искусства. Там все было пропитано необязательностью, и поначалу это тяготило. Потом, правда, втянулся, стал таким же необязательно-ленивым, расхристаным. Как и Тайка... Но приехав в поселок, Кадя словно очнулся от долгого сна, ожил, зашевелился, в артели работал азартно. Если б не Тайкины заморочки... Да что уж теперь. Знать, так ему на роду написано.

А что дальше? Он неслышно кружил по полянке. Что дальше? С каждым днем намеченный план все меньше привлекал его. Он видел цену труда этих людей и понимал, что его мысли не просто грешны, они бессовестны, бесчеловечны. Но через минуту Кадя взвинчивался и мысленно кричал: "Да какого хрена мне до них! У каждого свои проблемы. Мне иначе не выкарабкаться. Бог простит, он все прощает...".

Ночью жарил лепешки, наедался, отпивался кофейком и успокаивался. Днем долго спал, а потом неотрывно наблюдал за старателями.

С каждым днем он все лучше узнавал их, и они все больше ему нравились.

Юркий - крепко сбитый мужик среднего роста - весь день крутился как заводной, все время что-то делал и при этом насвистывал одну и ту же мелодию, что-то из негритянских блюзов. А другой - Бугор - был нетороплив и основателен. Кадя быстро понял, что в металле Бугор "держит верх". Это подтвердилось, когда Бугор стал один работать лотком. Все чаще Григорьев ловил себя на мысли, что откуда-то знает его, но вспомнить не мог. Знакомы были и походка, и фигура, но заросшее рыжеватой полуседой бородой лицо не припоминалось.

* * *

Вечером Ковальский объявил:

- С рыбой и икрой финиш, Витим.

- Значит, будем закругляться, пан. С металлом тоже точка. Вертак придет послезавтра, если твои ребята не подведут.

- Не должны. Игнат - парень надежный, опять же летуны знают, что им отломится из нашей рыбки.

- Вот и славно. Завтра упаковываемся.

- Витим, а что дальше?

- Твои проблемы, Влад. На цивиле меня это не колышет. Как скажешь, так и будет.

- Горша, а что ты станешь делать с деньгами?

- Заткнись, пан! Где ты видишь деньги? Сперва выберись отсюда.

- Прости, Витим, я, как всегда, бегу впереди себя...

- Бог простит. Тебя уже не переделать. Давай вытаскивай фляжку, заслужили.

Ковальский накрыл ужин на куске полиэтилена, достал флягу, плеснул в кружки.

- Твое слово, Горша.

- Что сказать, пан... Поработали славно, я тебе признателен, что затащил меня сюда. Да и ты стал совсем таежным парнем, рад за тебя. Ты узнал металл и цену, которой он достается. Ты стал выдающимся браконьером и меня научил этому законовредному делу. За два месяца мы ни разу не твякнулись - это очень важно. О чем тут еще говорить? За тебя, Влад!

И снова был царский ужин - уха из хариусов и налима, жареная кета, добрая чашка икры, тушеные грибы, лук, чеснок, кисловатый ревень на любителя, компот из смородины, на десерт лесная малина. Ели вовсю, наслаждаясь таежными дарами, Витим, как всегда, причмокивал, мычал и закатывал глаза. Пан Ковальский смотрел на друга и жмурился от удовольствия.

* * *

Кадя проснулся ближе к обеду, умылся в озерце, допил остатки кофе, съел лепешку и неторопливо пошел на "наблюдательный пункт". Оки-

нув беглым взглядом табор, понял, что мужики сворачиваются: сети развешены между деревьями, бутара разобрана, вещи постираны, спальники вывернуты.

Кадя заволновался - что делать? "Спокойно, без психа!" - приказал он себе. Сложил шмутье, упаковал спальник, завязал рюкзак, поправил его на спине. Все, теперь вперед.

Подойдя ближе, увидел, что Бугор неторопливо взвешивает песок. "Самое время!". До табора было метров восемь-десять, но они показались ему километром. Кадя ступал осторожно, бесшумно. По спине и лицу катился обильный пот. Выручал радиоприемник, включенный Владом на полную громкость, - почти не было слышно, как похрустывает галечник. Когда осталось метра три, Григорьев передернул затвор...

...Мешочек лежал рядом с Бугром. По команде Кади тот пересыпал остатки песка в мешочек, завязал его и опустил на землю.

- Бросайте сюда, уважаемый.

Витим лихорадочно вспоминал, где он слышал этот тонкий, с ехидцей голос? "Ты должен знать этого человека, Витим. Обернись, посмотри!". Команда бросать раздалась вовремя. Взяв мешочек, Витим обернулся...

Перед ним стоял его земляк и школьный приятель Кадя Григорьев. Только взрослый и совсем седой...

- Опустит пушку, Кадя,- спокойно и отчетливо сказал Витим. - Ты лучше смотришься с теннисной ракеткой, Пострел, - это было школьное прозвище чемпиона по настольному теннису Кади Григорьева.

- Витим?.. - жалобно протянул Кадя. - Витим, так это ты... А я все никак не мог вспомнить...

Он опустил карабин на камни и шагнул к Егору.

СВЕРБЯЧОК

Ну здесь, положим, никаких загадок, все просто. Терпишь до какого-то момента, а потом все - точка. Этот червячок залезает в то самое проходное отверстие и начинает в нем шуровать-свербить. Червячок-сверблячок. Так шурует, что никакой моченьки. У каждого по-своему, но у всех - никакой моченьки.

Один достает с антресолей ружье, не торопясь, чистит его и ждет. Торопиться некуда, поскольку он в командировке. Якобы. А сам поджидает жену с любовником. Куда им деваться, сами придут, ангелочки. И они приходят. Пиф-паф, ой-е-ей - все лежат. Кто из них был третий лишний - неизвестно, да и неважно. Сверблячок так поработал. В общем, славно поработал...

Другого свербячок где-нибудь у станка подкараулит. Все вроде ничего. Двадцать пять лет у этого станочка простоял. Кругом порядок - жена, дети, квартира, машина, дача, ягодка-малинка, банька, стопарик-другой по субботам-воскресеньям. Без суеты, с цветным телевизором и тапками без задников. Мысли ровные, как линейка в инструментальном ящике. И все славно. Было... А тут вдруг этот червячок. Откуда? Стрелочника поищем? Ну, приходил тут один журналист. Повыспрашивал-позаписывал. Ведь как-никак передовик производства, четвертак за одним станком простоял, ордена-медали. Потом этот въедливый очкарик книжечку свою спрятал, вздохнул и брякнул: "Это ж надо - двадцать пять лет козе под хвост!" Покрутил головой и ушел. А червячок - вот он, тут как тут. И все прахом. Но со стороны не видно - выключил станочек, обтер ветошью и пошел себе. Мастер кричит, - мол, куда? Только рукой махнул - в никуда. Так и ушел. Может, теперь и счастлив где-то там в небытии...

Третий... Третий - это, наверно, Эдуард Васильевич и есть. Свербячок достал его в электричке. Возвращался со службы домой, уныло смотрел в окно на великолепие затухающего летнего дня, думал, что вот уходит лето, а он его и не видел. Как робот: из дома на службу, со службы домой. Тоска. В выходные, конечно, можно бы и на природу выбираться, но ведь это опять электричка, до умопомрачения осточертевшая за рабочую неделю. Или автобус. Или черт на метле. Неважно. От одной мысли, что снова придется тащиться в каком-то транспорте, Стремова передергивало. Каждый день на работу и с работы, полтора часа. И хоть уверял сам себя, что ничего тут страшного, легче не становилось.

Вот уже десять лет Эдуард Васильевич Стремов работает в областном архиве, сразу после истфака. Крепкий специалист, движет архивное дело, не функционер, а ученый. Уважаем, авторитетен. Не честолюбив, а то давно бы склепал кандидатский "диссер". Жена учительствует, детей пока нет. Молчалив и несколько скован.

Вот еще одно лето проходит мимо, уныло думал Эдуард Васильевич, сидя в душном вагоне и не отрываясь от окна. Так и жизнь пройдет...

Весной ему стукнуло тридцать три, и он как-то сразу понял, что это - уже возраст. И вспомнил некоего Человека, который в такие лета совершил поступок. И какой! А вспомнив, затосковал. С внутренней болью за того Человека и щенячьим тусклым визгом - за себя. Да, тридцать три - это, конечно, возраст. Или затянувшаяся молодость. Или нечто среднее - в зависимости от субъекта.

Та минувшая тоска вдруг ожила в нем, и так стало скверно-невыносимо... Ну что за блажь, успокаивал он себя. Устал, конечно, но ведь сие не смертельно. Взять положенный отпуск и сменить обстановку. Уехать куда-нибудь. Уехать... Это слово вдруг стало физически ощутимым, как сугроб или ком ваты, сквозь который не пробиться. Стремов так и не

смог понять, что в нем происходит. А ведь все просто - свербячок в нем ожил.

Как-то внезапно он успокоился, как бы потерявшись во времени. Смотрел в окно и блаженно улыбался. А когда объявили его станцию - микрорайон Белоцерковку, - никак на это не отреагировал, будто впал в беспамятство. И сошел с электрички только когда до его сознания дошло слово "конечная!". Это прозвучало приказом, и он, как всякий дисциплинированный человек, подчинился. Подхватил свой раздувшийся портфель и вышел. В никуда.

Ну, положим, "в никуда" не бывает. Вышел Эдуард Васильевич Стремов на конечной станции Лупоглазово (что за название, господи!). На станционной скамейке двое уже захмелевших пенсионеров-дачников пили пиво и закусывали подлещиком. Сухонькие, розовенькие, чистенькие, в летних, с дырочками, шляпах. Из голубой канистрочки - в чистые кружки буль-буль-буль - и по кусочку рыбки. Никто их не задевал - ни прохожие, ни даже постовые-участковые. Только удивлялись: надо же, пиво пьют! Откуда пиво-то? Да еще с вяленой рыбкой. Впрочем, на рыбку особо не удивлялись - рыбку могли прислать родственники из глубинки. Некоторые даже спрашивали, где пиво дают. Но старички лишь переглядывались и смаковали себе рыбку.

Но вообще-то все проходили мимо, а Стремов уселся рядом со старичками, даже разрешения не спросив. Удивительно - такой воспитанный человек. А пенсионеры, глазом не моргнув, достали третью кружку, налили Стремову пивка, протянули ему кусок подлещика и зарозовели еще больше - то ли от собственной щедрости, то ли от приятных воспоминаний о временах, когда сообразить на троих было так же естественно, как сходить по малой нужде.

Так и просидели втроем допоздна в приятной беседе, во взаимных комплиментах, - мол, какие мы нормальные мужики. Даже странно по нынешнему времени, что в неторопливых своих разговорах не затрагивали политики, не сетовали на нынешний бардак, не костерили правительство. Правда, коротенько прошились по экологии, да и то потому лишь, что заговорили о видах на урожай (дачники все же). И никто не спрашивал Стремова о его социальном или служебном положении. Разговоры какие-то общие, вне времени и пространства, и даже вечная тема - женщины - не затрагивалась.

А когда стало темнеть и пиво кончилось, возникло предложение отужинать у одного из старичков - Вениамина Семеновича. Почему бы и нет? Дружно встали, убрали за собой мусор и двинулись к поселку под ненавязчивый тенорок Ивана Ильича (такое толстовское имя-отчество оказалось у другого старичка): "Ой, не вечер, да не вечер, мне малым-мало спалось...". Так все было славно, хорошо, так душевно и покойно. Эдуард Васильевич и не обеспокоился ни разу, не вспомнил даже, кто он, что, почему здесь.

У Вениамина Семеновича в аккуратном садовом домике, на веранде, поужинали молодой картошкой, нарытой тут же, у крыльца, и домашними соленьями, пропустив по стопке вкусной, тоже домашней, настойки, которая гладко легла на пиво, чуть шумнув в голове. Потом пили чай на смородинном листе, отдуваясь, побряхтывая, жмурясь от удовольствия. Старички сняли шляпы, расстегнули воротнички рубашек, удобно устроились на стульях и быстро зачмокали губами, захрапели. “Ой, не вечер, да не вечер...” Стремов не стал их тревожить, сам потихоньку устроился на топчане и сразу провалился в сон.

Утром он уже ехал в поезде. Куда, зачем? Ехал - значит была какая-то надобность. Билет у него был, все как положено. И в билете значилась станция Курдюмово. Что за станция, где?.. Стремов сидел у окна, щурился, помукивал немудрящую мелодию, и было ему хорошо. Как в давнем-давнем соплячестве, после крепкого сна. Когда открываешь глаза и видишь на стене шкодливого солнечного зайца. Он улыбается и подмигивает, а из кухни доносится мамино заботливо-ласковое “Малыш, подъем!”.

...И была солнечная поляна, и белая величественная береза на ней. Поезд вдруг затормозил и мягко остановился. А свербячок тут как тут: ввинтился в задницу - выйди, мол, из вагона, выйди, кому говорю! Стремов и вышел, особо не задумываясь. А когда увидел поляну и березу на ней, сразу понял, что надо ему там быть непременно, сидеть под березой, любоваться травами и глубоко дышать. Проводник, правда, поскрипел, - мол, не положено тут выходить, не станция. Но, глянув на Стремова, открыл тамбур и выпустил его.

Эдуард Васильевич спрыгнул с подножки, рассмеялся и побежал с насыпи к своей уже и такой родной березе. На бегу бросил пузатый портфель, как бросают вещь ненужную или надоевшую. И это еще больше обрадовало его. Бежал, взбрыкивал, как мальчишка (ох уж этот свербячок!), и кричал: “Эгей! Эге-гей! Ого-го!”. А подбежав к березе, встал на колени, опустил голову и заплакал. Но это были светлые слезы облегчения и освобождения.

“Боже мой, боже мой! - приговаривал Эдуард Васильевич, всхлипывая. - Как жил-то, чем жил?”. Но, прислонив голову к белому стволу, успокоился, будто получил отпущение грехов и благословение. Так, обняв березу, прижавшись к ней, как к матери, задремал покойно. И во сне показалось ему, что пришла матушка, опустилась рядом и положила ладони ему на плечи.

Но уже в следующий миг он вздрогнул, проснулся и отпрянул от березы, услышав:

- Маятно тебе, мил-человек?

Оглянулся и увидел пожилую женщину с серпом в руке.

Стремов встал, отряхнул былинки с колен и растерянно сказал:

- Здравствуйте, сударыня...

Это давно забытое обращение тут почему-то было уместно.

- Здравствуй, здравствуй, касатик, - блеснула улыбкой женщина и медленно утерла со лба пот. - А я гляжу - на полянке моей гости. Откуда бредешь, куда? Не помочь ли чем?

Было в ее голосе участие, и мягкое покровительство, и живой интерес, но Эдуард Васильевич сразу не нашелся, что ответить.

- Да я так... дышу. Из города я.

Женщина наклонилась к стоявшей у ног кирзовой сумке, довоенного, наверно, еще изготовления, и стала доставать банки с вареной молодой картошкой, малосольными огурцами, молоком.

- Ты садись, в ногах правды нет. Вот сюда, рядышком. Счас откушаем, тогда и поспишь. Вид-то у тебя заморенный. Все вы там, в городах своих, какие-то замороченные. Бегаете, суетитесь, и все без толку. Так ведь?

- Без толку, это уж точно, - закивал Эдуард Васильевич. - Да только понимаем это поздно.

- А ты, часом, не сбежал? - с тревогой спросила женщина.

- Нет, не сбежал. Уехал. Взял - и уехал.

- И домой, поди, не зашел?

- Нет. С работы вроде бы возвращался, но не вернулся...

- Э-э-э, паря, так это тебя свербячок настиг.

- Кто-кто? - удивился Стремов.

- Дак кто, знамо дело - свербячок. Червячок такой. У всякого в нутре живет, ждет своего часа. Твой, значит, дождался.

- Как дождался? - не понял Эдуард Васильевич.

- Ну как-как... Время пришло - он и засвербил. Да ты не кручинься, со всяким бывает. Свербячка не миновать. Кому раньше, кому позже. И у меня было. Хотела уж руки на себя наложить, да очухалась... Веришь-нет, проснулась ночью - одна. Мужик мой помер, дети разъехались. Тут червячок во мне и ожил. Встала и в амбар пошла, себя не помня. Очухалась с веревкой в руке... Это у всякого по-своему. Ты, вишь, сбежал, не сказавшись...

- Дичь какая-то... - пробормотал Эдуард Васильевич, но тут же поправился. - Извините, просто я этого не понимаю. Какие-то червячки...

- Тут и понимать не надо. Че тут понимать? Это как хлебушко: есть - кушаешь, нету - зубы на полку. Так и со свербячком. Живешь - катишься, а потом - стоп. Да ты ешь, ешь. Больно ты худой, касатик.

Принялись за еду. Женщина открыла банку с молоком, поддела в ней что-то ложкой и вытащила, к изумлению Эдуарда Васильевича, лягушку. Опустила ее на траву, напутствуя:

- Беги-беги, матушка, спасибо тебе.

Так просто и естественно это было, что Стремов грустно улыбнулся и подумал: "Вот так и надо жить, вот так".

Поев и поблагодарив женщину, он вдруг засобирился, заторопился:

- Пойду, пора уж. Еще раз примите мою благодарность, сударыня. Женщина поморщилась.

- Ну че ты опять засуетился, божий человек? Куда спешишь? Поживи у меня денек-другой. Молока парного попьешь, на сеновале отоспишься. Поди, и не спал никогда на сеновале?

- Не спал. Я ведь все больше в городе...

- Эх-ма, нам бы денег тьма... И как вы живете там, в своих городах, в неволе этой? Смрадом дышите и думаете, что лучше всех. Ведь думаете, а?

- Да нет, что вы. Времени нет об этом думать. Все бегом и бегом.

- И то правда. Так поживешь у меня? Или свербячок гонит?

Стремов прислушался к себе. Да нет, вроде не гонит. И, согласившись, спросил:

- Может, вам чем помочь? Ну, там, воды натаскать, дров наколоть, крышу поправить? Я, правда, никогда этого не делал. Я, знаете, архивариус...

- Кто-кто? - изумилась женщина.

- Ну, в архиве работаю. Словом, больше головой, чем руками.

- Оно и видно. Больно ты замороченный. Делать-то много чего надо, да я все сама. Дел этих всегда прорва, а ты просто отдохни, в себя приди. Отпустит тебя свербячок - домой вернешься, а нет - дальше пойдешь странником.

...Третий день жил Стремов в доме тетки Нюры, встречал рассветы на пахучем сеновале, пил утренней дойки молоко, делал разную нехитрую работу и все чего-то ждал, прислушивался к себе. Но нет, ничего в нем из прошлой жизни не откликалось, а о будущем он просто не думал. За долгими чаепитиями слушал он бесконечное хозяйкино повествование, наслаждаясь ее красочной простонародной речью, сам о чем-то рассказывал. И как-то вдруг неожиданно для себя спросил:

- Тетка Нюра, а как, по-вашему, - конец света будет?

Женщина поперхнулась чаем, глянула недовольно:

- Че ты про это заговорил, божий человек? Не живется тебе что ли?

- Почему же, вполне живется. Просто что-то в голову взбрело. И все-таки?

- Да что тебе ответить... С чего ему быть, концу-то, сам подумай. Че ж - люди совсем дурные до этого доводить?

- Дурные, не дурные... - вдруг загорячился Стремов. - А посмотрите вокруг, сколько наворотили, так природу испохабили...

- Так это вы ее и спохабили, ученые. Все чего-то выдумываете, а простой люд за вами строит да похабит. Не так, скажешь?

От такого напора Стремов даже голову в плечи втянул.

- Ну че ты нахохлился? Я тебе скажу: по мне - так ниче выдумывать не надо, надо землей-кормилицей жить. Она тебе все даст, только ты не сильничай ее, уважай, холь да голубь. Землица тебя и накормит, и напо-

ит, и оденет. Вся жизнь от нее. А вы, антихристовы дети, че понаделали? Позатопили все своими гэсами, атомов понастроили, небо дырявите. Только я тебе скажу - все одно концу света не бывать. Отплатит земля в одночасье, крепко отплатит, но не до смертушки. Накажет и простит. На то она и мать.

Закончив свою горячую речь, тетка Нюра сразу успокоилась и спросила:

- А ты, касатик, в своем архиве этом че делаешь-то? Не пыль же, поди, с книжек вытираешь?

Стремов рассмеялся, представив себя у стеллажей с влажной тряпичкой. Женщина тоже хохотнула и, поудобнее примостившись на лавке, собралась слушать. Но Эдуард Васильевич молчал. Да и что ему было рассказывать о своей работе? Чтобы понять что-то из всех хитросплетений архивного дела, надо хоть азы его знать. А что могла знать тетка Нюра? И Стремов попросил:

- Знаете, хозяйюшка, давайте оставим это до другого времени. Вот приедете ко мне в гости - поведу вас к себе на службу, все покажу и расскажу. Хорошо? Только не обижайтесь.

И вот тут Эдуард Васильевич сразу вспомнил все подробно про свой архив и сослуживцев, а затем память привела его к жене... Но не ахнул (мол, что же это я!), а лишь зябко поежился: что - жена? Подумает, что он в командировке, что не сумел перед отъездом дозвониться. Не раз такое бывало.

И потом, ей совсем не до него, своих забот хватает - ученики, тетради, педсоветы, наконец, любовник. Да-да, любовник - то ли стареющий спортсмен, то ли молодящийся тренер. Три извилины и гора мускулов... Впрочем, это неважно, поскольку уж очень банально. Да и как Веру обвинять? Ей нужен мужик. Причем не раз в месяц, для супружеской формальности. А он что? Он уже давно архивариус...

Любовник Вере явно на пользу - повеселела, похорошела, следит за собой. К мужу стала внимательнее. Святая простота - думает, что он ничего не знает, но он видел их вместе. И потом, всегда найдутся радители здоровой семьи, отведут в уголок и шепнут, - мол, право, так неудобно, но считаю своим долгом... Поначалу, конечно, было больно, но госпожа-логика все расставила по местам и Стремов, как всегда, с нею согласился.

Эдуард Васильевич вздохнул от этих нахлынувших мыслей и предложил:

- Тетка Нюра, а давайте споем?

Хозяйка опять стрельнула в него взглядом - что за чудило такое? То про конец света, то споем... Но согласилась:

- А че - споем. Только сперва давай по стопке. У меня своя, забористая. Ты стопку-то принимаешь?

- По настроению.

- Это правильно, а то и пить-то зачем? - и рассмеялась звонко.

И приняли по стопке здесь же, под липой, под хрумкий огурчик. Первую - за знакомство, вторую - во здравие, третью - за песню, чтоб лилась от души. На том и остановились, потому как далее - это уже пьянство.

И запели "Ивушку". Сперва тихонько, принаравливаясь друг к другу, потом все увереннее, голосистее. А когда Эдуард Васильевич повел вторым голосом, да так толково, с пониманием, тетка Нюра закивала и даже руками всплеснула, до того ей гость угодил.

Как они пели, как их души откликнулись и породнились, как свежесть и радость в них плеснула - чудо! Петь Стремов умел и любил, песен знал множество. Еще в студентах колесил по родному отечеству в фольклорных экспедициях. И не просто записывал - душой внимал.

- А про купца Федулу знаешь? - осторожно и недоверчиво спросила тетка Нюра.

Эдуард Васильевич кивнул, откашлялся и затянул:

- Ой да сизый голубь, Путятов сын, Ты скажи-скажи, поведай кручинушку...

Тетка Нюра враз подхватила, подстроилась, и песня полилась широко и свободно.

- Ну, а про солдатку на могиле?.. И эту знаешь? Ах ты, мил-человек, ну до чего ж ты мне угодил, здоровья тебе и счастья!

Уже лежа на сеновале, Стремов все не мог успокоиться, - душа еще пела, песни подступали к гортани, рвались словами на волю. Но Стремов сжимал губы, сдерживал душу: полно, полно, потехе - час. Но это не было потехой. "А ведь как давно я не пел, - с щемящей грустью думал Эдуард Васильевич, - целую вечность. Не пел и не разговаривал с собой. Ах, как права тетка Нюра - все бегом, все недосуг. Почему? Что заставляет нас пробегать жизнь, как стометровку? Ничего не видеть вокруг, а прожив жизнь, так и не заметить, что рядом живут такие вот мудрые и неторопливые тетки Нюры, несущие в себе покой и уверенность изначально, от корней земли-кормилицы. И где тот вселенский судья, что вправе вершить судьбы каждой человеческой былинки? В чем истина и существует ли она вообще, как существует непонятный нам, но живущий в нас космос?..".

Вопросы роились в его воспаленном, но уже успокаивающемся сознании, и червячок-сверблячок, как кот, свернувшийся клубочком, помурлыкивал песню сна и покоя. Эта мелодия вошла в его изболевшуюся душу, и он вдруг улыбнулся. Сначала тихо, с недоверием, затем глубоко и свободно вздохнул, ощутив прилив жизненных сил и поняв нечто важное, глубокое. То, что находится над повседневной суетой, вне цепких лап госпожи-логики. "Вот и хорошо, - прошептал он, - вот и хорошо. И ты, дружок, больше не беспокойся, спасибо тебе".

Это он, наверно, обращался к червячку-сверблячку.